

ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ МИРЫ
АНГЕЛЫ

СЕРГЕЙ РОМАНЮТА

Пересекающиеся Миры

Сергей Романюта

Пересекающиеся Миры. Ангелы

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Романюта С.

Пересекающиеся Миры. Ангелы / С. Романюта —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,
— (Пересекающиеся Миры)

ISBN 978-0-88-715352-5

Существует ли то, ради чего человек соглашается стать презираемым людьми? Оказывается, существует. И существуют те, кто согласился сделать этот шаг. Какую цену за это придётся заплатить? Об этом знают те из них, кто её уже заплатил - страшная цена. Наверное поэтому их называют Ангелами. Но это совсем не те ангелы, о которых людям известно с детства.

ISBN 978-0-88-715352-5

© Романюта С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	17
Глава IV	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Романюта

Пересекающиеся Миры

Ангелы

Благодарю Валентину Горину за помощь и поддержку в написании этой книги.

Часть первая

Глава I

Как всегда будильник завершал неожиданно и разумеется не вовремя. Ничего не поделаешь, надо вставать. За ночь пространство под одеялом довольно-таки неплохо нагревалось и хоть немного этого пространства Фёдору его более-менее хватало, чтобы спать в тепле. Ничего не поделаешь, надо вставать, работа, чтоб её перекорёжило! Нет, не надо её перекорёживать, работа, она сейчас почитай на вес золота, за неё руками, ногами, да всем чем угодно надо держаться, поэтому надо вставать.

В квартире было холодно. Впрочем Фёдор к этому уже до того привык, что был бы очень и очень удивлён, если бы в ней, да ещё утром, вдруг стало тепло. Днём, днём более-менее нормально, батареи пусть и не горячие, но хоть тёплые. Странная картина, а иначе не скажешь, разве что матюгами: днём, когда Фёдор на работе, батареи хоть чуть-чуть, но тепло квартире дают, а вечером, часов этак в десять, их отключают, и так до десяти утра. Говорят: в целях экономии чего-то там, ну и ещё кучу всяких причин преподносят. Получается, это если верить во все эти причины то он, Фёдор, только и жив, и здоров благодаря тому, что батареи на ночь отключают.

Ладно, хрен с ними, с батареями, терпеть можно, да и привык уже. Фёдор резко откинул одеяло и вскочил. Холод в квартире не замедлил тут же набросился на Фёдора, как враг-диверсант, как-будто Фёдор на посту стоит, а враг этот решил его в плен захватить, а перед тем как захватить, обездвигить, связать по рукам и ногам. Фёдор, любой старослужащий позавидует, быстренько одел шерстяные носки, тёплые штаны, вязанную кофту, теперь более-менее нормально, теперь у диверсанта по имени холод шансов на пленение Фёдора не осталось, и на кухню, керосинку надо раскочегарить, надо позавтракать.

Перед тем как начать реанимировать керосинку Фёдор включил старенький магнитофон, ещё на компакт-дисках. На кухню ворвались по-своему весёлые «Король и Шут» и с присущей им хоть и мрачной, но всё равно бесшабашностью, принялись «крушить» всё вокруг: остатки сна, холод в квартире, старенькую керосинку, унылый, позднеосенний вид за окном, и конечно же выгонять из Фёдора всё-таки успевшие в него пробраться частицы холода.

Стало веселее, да и керосинка к удивлению Фёдора сегодня разоглась и сыто загудела почти сразу. Сегодня ей почему-то не понадобилась ежеутренняя порция нервов Фёдора сопровождаемая словами, какие только на язык попадутся, в основном матерными. Конечно же, ну если поднатужиться, Фёдор мог себе позволить электрическую плиту, а если очень-очень поднатужиться, то и газовую. Но для этого пришлось бы отказаться от многих мелочей к которым Фёдор привык, даже прикипел, без которых его жизнь стала бы похожа вообще неизвестно на что. Конечно можно было устроиться на вторую работу, а где её взять эту вторую работу? Хорошо хоть эта есть, первая и единственная!

С работой было тяжело, очень тяжело. Разумеется мест всяких там сторожей и охранников хватало, но сами понимаете, что это за работа, даже говорить смешно. Или Фёдор был так воспитан, или до конца ещё не прижало, ещё был, так сказать, «жирок», такую работу, ну или подработку Фёдор всерьёз не воспринимал.

Работал он инженером на заводе по производству чего-то там металлического, разумеется специальность была соответствующая, тоже что-то связанное с обработкой металлов. Наверное, да что там наверное, точно, именно специальность и место работы не давали Фёдору пополнить недружные и нестройные ряды охранников и сторожей всех мастей и категорий. Дело в том, что специальность полученная Фёдором в институте была дефицитной. Да и место

работы – завод, тоже в некотором роде подпадал под эту категорию. Лет уже как тридцать в стране на первое место выступили всякие там банки, непонятно чем занимающиеся компании и фонды, а заводы, фабрики, уступив первенство в экономике страны скромно отошли в тень. Похожая картина была и со специалистами. Если всевозможных юристов, экономистов, управленцев, менеджеров по-современному, было, тапком не перебьёшь, то специалистов именно для промышленности – инженеров, было не то чтобы днём с огнём не сыскать, но тем не менее потребность в них ощущалась и чем дальше, тем эта потребность становилась острее. Видимо такое сочетание: место работы и специальность, редкостные по нынешним временам, и обеспечивали Фёдору хоть и не на все сто, но уверенность в завтрашнем дне.

Дело в том, что не хотела молодёжь после школы идти в институты на промышленные специальности, отчаянно и упорно не хотела. Им, вчерашним школьникам, подавай специальности «чистенькие», престижные, а не это, в железях ковыряться и с простыми работягами на матерном языке разговаривать. Куда как лучше чистенький и экипированный по последнему слову моды офис под завязку нашпигованный самой современной техникой. И престижно, и куда больше шансов прорваться туда, на верх, стать ну уж если не директором или президентом чего-то там, то хоть каким-нибудь начальником. И, не сказать чтобы у всех, но довольно-таки у многих это получалось. Вот правда цена этого карьерного роста была для Фёдора не то чтобы слишком высокой, она была для него просто неприемлемой.

Сам Фёдор вроде бы уже не парень, но ещё и не мужик в возрастном понимании этого звания, ему где-то года тридцать три-тридцать четыре – самый цветущий возраст, можно даже сказать, святой. Да и сам Фёдор под стать возрасту: ростом слегка за метр восемьдесят – самый любимый женщинами рост, крепок, но не грузен, ни капельки лишнего. Да и внешностью Фёдор удался. Если его дед, тоже Фёдор, был красив грубой мужской красотой, как-будто из цельного дуба вырубили, то отец Фёдора – Алексей, имел красоту лица хоть ещё и грубую, но уже с явным присутствием более мягких черт более присущих смазливому юнцам и не юнцам тоже. Ну а Фёдор, такое впечатление, вобрал в себя всё самое лучшее: лицо хоть по меркам некоторых женщин и симпатичное, но не смазливое, и не грубо сработанное, будто топор у «ваятеля» затупился.

Вот за эту внешность и доставалось Фёдору, крепко доставалось. С одной стороны это женщины, как незамужние, так и замужние, те тоже были очень даже не прочь испытать на себе ласки Фёдора. Но больше всего, и всё ну прямо-таки из-за какой-то там эталонной внешности, ему досаждали новолюди. Вот кто не давал покоя Фёдору по-настоящему. Предложения были до того заманчивыми и даже головокружительными, что будь он немного легомысленнее, а вернее будет сказать, если бы его не дед с отцом как следует воспитывали, то наверняка бы согласился.

Правда Фёдора в основном воспитывал дед – тоже Фёдор, мужик хоть и весёлый, но суровый, так что легомыслия в Фёдоре почитай с самого детства не было, ну разве что шkodил и проказничал, но эти черты присущи всем детям. Дед Фёдора рано вышел на пенсию, хоть и работал простым токарем, но производство у него было какое-то вредное. И как только он стал пенсионером, так почитай сразу же поселился в деревне, в доме доставшемся от тестя с тещей. Ну а Фёдор младший почитай каждое лето проводил у деда, не ездил по всяким там лагерям, да и пионерские лагеря к тому времени перестали существовать. Вот дед Фёдор и воспитал внука Фёдора так, как себе представлял настоящего мужика, скорее всего каким был сам.

После окончания школы внук Фёдор пошёл дальше деда Фёдора, поступил в институт, но не на юриста или экономиста, а на машиностроительный факультет с тем, чтобы приобрести, как к тому времени он и сам считал, настоящую, мужскую, специальность, специальность владеющей которой мужик всегда для семьи на кусок хлеба заработает. И что самое интересное, прав оказался Фёдор, хоть чуть-чуть, но прав. Большинство выпускников экономических, юридических и прочих той же направленности факультетов после получения дипломов пополняли

тоже нестройные и недружные ряды всяких там продавцов-консультантов, менеджеров по продажам, ну и так далее. Но у них, почитай у всех, в отличии от Фёдора всё-таки была надежда: сначала «прорваться» в офис какой-нибудь крутой компании, закрепиться там, ну а потом уже по прямой дорожке туда, на верх, а то и на самых верх. А вот у Фёдора такой надежды не было, даже стать в каком-нибудь будущем тем же начальником цеха ему не очень-то светило. Но он не очень переживал по этому поводу, уж слишком высокой и неподъёмной была цена такого карьерного роста.

* * *

Князь с Горшком в компании весёлых и на всё плюющих музыкантов продолжали гонять по лесам и деревням всевозможную нечисть, керосинка ровно и довольно гудела, так что чем не жизнь, пусть и в холодной квартире? Фёдор поставил на керосинку чайник, а сам пошёл в ванную, умываться. Горячей воды в доме, да что там в доме, почитай во всём городе не было. Наверное Фёдор, если бы кто спросил, сразу и не вспомнил бы, когда горячая вода текла из крана в его квартире? Но он совершенно на этот счёт не переживал, более того, даже был благодарен за это неизвестным «экономам» и радетелям за счастье народное. Мало того, что его ещё дед Фёдор приучил умываться исключительно холодной водой, причём в любое время года, так ещё и обливаться ей. Фёдор залез под холодный душ, а что, дело привычное, согнал с себя последние остатки сна, почистил зубы, побрился и вернулся на кухню.

Чайник почти уже вскипел. Теперь оставалось заварить геркулесовую кашу быстрого приготовления, сделать кофе и пожарить яичнику на сале, вот и весь завтрак. А что, даже очень неплохой завтрак, хоть и без всяких там гастрономических изысков и выкрутасов столь популярных у новолюдей. Тем более сало было не из супермаркета и даже не с рынка, а из деревни: батя сам поросёнка выкармливал, и не абы чем, сам его забивал и сам сало солил.

Алексей Фёдорович – батя Фёдора, точно также как и его дед, и прадед – Иван Степанович, выйдя на пенсию тоже поселился в деревне, кстати, в том же самом доме. Точно также, как и дед Алексей Фёдорович разводил курей, держал двух поросят, копался в огороде, гнал самогонку и плевал на всех и на всё то, что творилось в городах и странах. И Фёдор, в отличии от перспективной молодёжи, к тому же не отягощённый всеми «прелестями» дополнений к правильной и перспективной жизни в виде тусовок по ночным клубам с удовольствием ездил к отцу в деревню, именно с удовольствием, а не потому что так надо. Ну а батя, какой же отец не обрадуется приезду сына, всегда был рад его приезду. Поэтому на выходные, правда не на каждые, или отгулы какие выпадут, ну а уж отпуск – обязательно, Фёдор уезжал в деревню, к бате. А в деревне не то что где-нибудь в Турции, всегда можно заняться чем-нибудь по хозяйству, чем Фёдор всегда занимался с удовольствием, на рыбалку или же по грибы сходить, да той же самогоночки с батей выпить, но не до свиного хохота разумеется, батя на этот счёт излишеств не допускал. Да и просто посидеть вечером на лавочке у избы, полюбоваться на единственно настоящий закат, да и просто поговорить обо всём и ни о чём.

Этим, можно сказать, и объясняется почти ежеутренний завтрак Фёдора в виде яичницы с салом. Конечно же кофе, сахар, тот же геркулес и ещё много чего приходилось покупать в супермаркете, но это так, неизбежные мелочи. Батя снабжал Фёдора как салом, так и яичками, деревенскими, а не этими, непонятно из-под кого. И самогонкой батя снабжал Фёдора, но не так чтобы очень, чтобы была она исключительно для души или с устатку, а не для запойных пьянок. В этом деле Алексей Фёдорович был как скала, не сдвинешь, весь в отца. Впрочем, наверное всё-таки больше в деда, чем в отца, в Ивана Степановича. Фёдор хоть и плохо его помнил, слишком мал был, зато весьма наслышан о нём из рассказов как деда, так и бати. Вот мужик был! Росту маленького, телосложением невзрачный, а характер – танковая броня позавидует! Вот батя, Алексей Фёдорович, и вобрал в себя какую-то часть дедова характера и

сколько-то характера своего родителя. А сколько характера деда и прадеда вобрал в себя Фёдор он не знал, вобрал что-то конечно, а вот сколько – неизвестно, не было случая проверить.

* * *

Завтрак не занял много времени, как-будто это было какое-то неизбежное зло или же какой-то хоть и необходимый, но очень неприятный ритуал. Разумеется дело не в том, что Фёдору надоело такое меню, скорее всего он просто привык быстро завтракать. Ну а после завтрака, куда же ещё, на неё, на работу, любимую и растреклятую в одном лице. Можно было бы заняться чем-нибудь, в том же Интернете например посидеть, благо время позволяло, но в том-то и дело, что в свете новых политико-экономических реалий хозяева завода пусть и мягко, но настойчиво рекомендовали работникам, а особенно не рядовым работникам, приходиться на работу заранее, ну хотя бы за полчаса до начала рабочего дня. А Фёдор рядовым работником не был, хоть и совсем маленькое, а начальство, так что... Да и в Интернете этом особенно делать нечего, тем более с утра пораньше.

Теперь, после горячей яичницы и ещё более горячего кофе и переодеваться было не так страшно, в смысле, холодно, что Фёдор с армейской сноровкой и проделал, а что резину тянуть?

Двор встретил Фёдора красочным рассветом – как-будто грязь по столу размазали и дали ей засохнуть, ну и ветром, налетавшем со всех сторон сразу, хорошо хоть дождя не было. Утро целиком и полностью принадлежало тому, слава богу, непродолжительному времени года, когда зима не на жизнь, а на смерть сражается с осенью за право владеть этим миром и устанавливать в нём свои порядки. Может и смешно, но очень похоже: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Вот только люди населяющие среднюю полосу России никакими холопами, во всяком случае ни у осени, ни у зимы не были. Ну и что, что не были?! «Чубы» в виде: насморков, простуд, обострений застарелых болячек, а то и откровенной депрессухи «трещали» будь здоров как! Вот здесь ещё раз не мешает поблагодарить известно-неизвестный «благодетелей» за отключенную горячую воду, благодаря их «заботам» Фёдор стал к простудам вообще не восприимчив. Болячек хронических ещё не нажил, «молод ышшо», а что касаясь депрессии, Фёдор весьма смутно представлял что это такое?

Прохрустев миниатюрными сталагмитами состоящими из воды, снега, грязи и ещё неизвестно чего, образовавшимися за ночь благодаря стараний лёгкого морозца Фёдор оказался на автостоянке, благо недалеко. Ночью ни снега, ни дождя не было, поэтому не было необходимости очищать лобовое стекло, автомобильных дворников вполне будет достаточно. Открыв дверцу он уселся в автомобиль и повернул ключ зажигания. Старушка «Тойота-Королла», в отличии от той же керосинки, завелась с полоборота и довольно урча двигателем принялась сама себя согревать. «Короллку» эту Фёдор купил, можно сказать, чуть-ли не чудом, ну а то что повезло ему несказанно – факт. Однокурсник Фёдора, Андрюха, вступил, или как там у них это правильно называется, в новолудии и в предвкушении обещанной новой, светлорадушной и сытой жизни распродал почти всё своё имущество нажитое ещё будучи старочеловеком.

Вообще-то Андрюха не сказать что дурак, но и умным назвать, сто раз подумаешь, особых успехов в учёбе не показывал. Ну а если успехов в учёбе нет, то они в обязательном порядке должны проявить себя где-то в другом месте. Когда они учились в институте комсомолов-профсоюзов уже и в помине не было и тем, кто не особо преуспевал в учёбе, но очень хотел преуспеть в карьерном росте, ну и так далее, негде было применить свои недюжинные таланты во благо своей счастливой жизни. Но как известно свято, да и не свято тоже, место пусто не бывает. Вот Андрюха там и преуспевал, и вроде бы как приуспел, во всяком случае диплом получил. После окончания института он умудрился попасть в какую-то контору, то ли главк, то ли ещё что-то такое, Фёдор толком не знал да если честно, не особо интересовался. Что удивительно, не смотря на всю разницу не только на жизнь в её карьерной сущности, но и

на жизнь вообще, Фёдор и Андрюха не то чтобы дружили, скорее были хорошими приятелями. Так что и после окончания института они, теперь уже гораздо реже, встречались: пили пиво, пару раз по барышням прошвыривались, иными словами, не теряли друг друга из виду. И вот когда Андрюха снюхался с новолюдями, а потом вступил в их стройные и радужные ряды первым, кому он позвонил насчёт «Короллы» был Фёдор. Торговаться не торговались, не тот случай, да и Андрюха не требовал всю сумму и сразу, согласен был подождать. Почему Андрюха продаёт в общем-то хороший автомобиль Фёдор даже не стал спрашивать, по Андрюхе, вернее, по его внешнему виду всё было понятно. Машину Фёдор купил, деньги за неё вернул почти сразу, за три дня, у мужиков на заводе пришлось занимать, и после этого удалил Андрюху не только из памяти мобильника, но и из своей жизни, стёр!

* * *

Город выглядел веселее двора, это наверное потому что город, а в особенности большой, никогда не спит, чего не скажешь о дворах жилых домов. Проезжая часть улиц была более-менее почищена, ну а что творилось на тротуарах Фёдор не присматривался, не до них, да и что толку? Князь с Горшком продолжали гонять чертей с ведьмами и вурдалаками теперь уже из автомобильных колонок тем самым поднимая настроение, а вернее, настраивая его на предстоящий рабочий день.

Нет, злым а то и дурным начальником Фёдор не был, да и какой он начальник, самый обыкновенный бригадир, ну разве что с высшим образованием. Это раньше, как только он пришёл на завод, то был почти что вольным художником, инженером, а теперь, после всех усушек и утрусок завода и его работников сохранился в виде инженера и бригадира одновременно.

Сами улицы тоже выглядели веселее, но это благодаря яркой и разноцветной рекламе. Может оно действительно весело, но уж очень эта реклама наглая, так и лезет мало того что в глаза, так ещё и в мозги, в подсознание забирается: купи, купи, купи, будь лучше всех..., ну и прочая дребедень. И не хочешь обращать внимания, обратишь, тем более ночью или утром. Так что на всём пути Фёдора на работу реклама нагло лезла в глаза и заменяла ему и не только ему весь город. «Новолюди – радужное будущее человечества!», вот так вот, скромненько и без особого изыска средних размеров баннеры с радостной новостью о будущем висели почитай на каждом столбе. Вот это раздражало Фёдора по-настоящему, но что поделаешь, не полезешь же снимать эту гадость, миг сгребут и доставят куда полагается доставлять в таких случаях.

Глава II

Завод встретил Фёдора по-деловому, как встречает некий полубылинный кузнец своего подмастерья. Но увы, был завод далеко не в расцвете своих производственных сил, а так сказать, на их излёте. Вот только его старение было не естественным, продиктованным неумолимым временем, а искусственным, во благо высокой политики. Если раньше, до того как, на заводе работало где-то около десяти тысяч человек и выглядел он если уж не как промышленный гигант, но что-то около этого, то сейчас, во времена с какой стороны не возьми, для народа счастливые количество его работников было, хорошо если сотни три наберётся. Правда стать свою, хоть и бывшую, завод сохранил, вернее, ему сохранили: цеха, сейчас или пустующие, или задействованные неизвестно под что, а также склады, ну и всё прочее не сломали, догадались слава богу. Сейчас завод представлял из себя того же самого полубылинного кузнеца, правда как бы на пенсии, силы не те.

Раньше завод выпускал что-то по техническим характеристикам очень сложное и почти всё секретное, сами знаете для кого и для чего, теперь же ограничивался выпуском всевозможных комплектующих начиная с элементарных гаек и болтов без которых, кстати, любой механизм не механизм, наверное потому и жив остался, не подавили. Правда, зачем наговаривать, на отсутствие заказов на заводе никто не жаловался, более того, совсем недавно на завод поступил заказ от оборонщиков, а это, сами понимаете, верный кусок хлеба и не только хлеба.

Сразу же за проходной, на доске объявлений, Фёдор увидел прямо-таки плакат извещавший трудовой люд о том, что сегодня, в семнадцать ноль ноль, в помещении склада готовой продукции состоится общее собрание коллектива завода, вот так вот! Раньше у завода был свой дом культуры вмещавший в себя поболее, чем триста человек, но дом этот давным-давно был продан-перепродан и представлял из себя скопище офисов мелких фирм и фирмочек, а в концертном зале, да, именно в концертном, проводили всё на что фантазии хватает, хоть голым пляши, от концертов до чёрти чего в виде сборищ всяких там радетелей за счастье народное замешанное на личном обогащении.

Прочитав объявление Фёдор зло сплюнул: вот козлы, с утра пораньше настроение умудрились испортить и пошёл в сторону своего цеха. Настроение Фёдора испортилось потому, что надо будет идти на это самое собрание, никуда не денешься. Если бы он был простым работягой, тогда разумеется сачканул бы, в гробу он видел это собрание и собрания вообще, но Фёдор был бригадир-инженером, а значит в его подчинении находились те самые простые работяги, которым это собрание как до позапрошлого понедельника. И он, как бригадир и инженер в одном лице, был обязан обеспечить стопроцентную явку своей бригады на это самое собрание.

Словно в подтверждение его невесёлых дум по поводу предстоящего мероприятия перед ним предстал, и откуда появился, начальник цеха:

– Здорово, Фёдор. – Васильич, начальник цеха в котором работал Фёдор – отличный мужик, к тому же спец каких поискать ещё той, старой школы. – Объявление на проходной видел?

– Ну видел. – поздоровавшись пробурчал Фёдор, потому что одним из того, немногого, что Фёдор ненавидел откровенно и от души были всевозможные собрания.

– Чтобы все твои были! – как «в атаку!» скомандовал, сказал Васильич и больше не говоря ни слова пошёл в сторону офиса администрации завода, именно так сейчас называлось заводоуправление.

* * *

Бригада уже почти вся собралась в раздевалке, не было троих: молодняка – Саньки с Вадимом и Николаича, тот живёт довольно-таки далеко от завода. Остальные все: кто переодевался, кто уже переодевшись попивали чай или кофе, кому что больше нравится, были на месте в ожидании начала трудового дня.

– Здорово мужики. – войдя в раздевалку поздоровался Фёдор.

– Здорово, Алексеич. – в разнбой ответила бригада, не в армии всё-таки.

А вот утренние рукопожатия были по своей твёрдости очень похожи на армейское троекратное «Ура!», такие же дружные. Бригада токарей руководимая Фёдором насчитывала десять человек. Вполне нормальная бригада, во всяком случае не хуже других как на заводе, так и за его пределами. Мужики подобрались, можно сказать, все как один, всем или около полтинника или за полтинник, серьёзные мужики, не говоря уж о том, что спецы будь здоров какие. Да и ничего удивительного в этом нет, времена, страну посетившие, они быстро всех расставили по своим местам: все пьяницы, забулдыги и откровенные лодыри, все в одночасье куда-то сгнули. Не помёрли конечно, во всяком случае не все, а нашли себе занятия наиболее соответствующие их натурам. Правда были в бригаде и два «щегла» – Санька с Вадимом, обоим слегка за двадцать. Ребята хоть и молодые, но вполне себе нормальные, ну а то что ветер в голове свистит на все лады, так это детство ещё не успокоилось вот и шумит. Ничего страшного, это пройдёт, время своё дело туго знает. Да и члены бригады относились к молодёжи не как к досадном недоразумению неизвестно зачем путающемуся под ногами, а были им как бы отцами-командирами и наставниками, обучали как профессии, так в разговорах за жизнь подсказывали в какую сторону надо смотреть, чтобы остаться нормальным человеком, не скурвиться.

– Мужики, – с некоторой доле вины в голосе начал Фёдор. – собрание сегодня. Надо чтобы все присутствовали обязательно, Васильич сказал. – нет, Фёдор не сваливал всё на начальника цеха, мол, это всё он, а я хороший, я тоже не хочу идти на это треклятое собрание.

– Не переживай, Алексеич. – за всех ответил Михалыч, Сергей Михайлович – фактический бригадир, а говоря по-современному, неформальный лидер. – Придём и молодые придут, ну а если будут брыкаться, за уши притащим.

Бригада нечленораздельно забубнила тем самым целиком и полностью соглашаясь со словами Михалыча. Значит бригада на собрание придёт, придёт в полном составе, если Михалыч сказал, то так оно и будет. Интересный мужик, Сергей Михайлович, тихий, спокойный, мало кто слышал чтобы он когда-нибудь кричал, но если скажет что, не прикажет, а именно скажет – хрен кто ослушается!

На этом, если разговор о предстоящем собрании можно так назвать, утренняя планёрка, ну или инструктаж, закончилась. Да и что Фёдор мог сказать мужикам в плане каких-либо поучений, они сами кого хочешь научат и проинструктируют.

* * *

Видать собрание было, во всяком случае для администрации завода, важным и до того важным, что всю готовую продукцию, благо её было немного, «сгребли» в один угол тем самым освободив довольно-таки внушительное пространство складского помещения. Даже соорудили что-то типа помоста на который, в лучших традициях ушедших времён, поставили накрытый чем-то стол для президиума и трибуну, ей богу, настоящую, и где только откопали, ну разве что графина с водой не хватало.

Ближе к окончанию рабочего дня начальство всех уровней начиная с цехового пришло в некое возбуждённое состояние. Наверняка причиной тому послужило совещание в офисе

администрации проведённое аккуратно за час до окончания рабочего дня. Совещание было недолгим и уж неизвестно чего такого наговорило начальство более мелкому, цехового уровня начальству, только, ну прямо выскочили те из офиса как ошпаренные, чуть-ли не бегом по своим цехам и прочим подразделениям завода и давай шпынять самое мелкое начальство непосредственно работягами командующее с тем, чтобы явка на собрание была стопроцентной, иначе...

– Господа! – начал директор завода, холёный, прямо блестит весь, мужик лет сорока с явно обозначившимся брюшком не иначе подчёркивавшим его высокую и ответственную должность.

– Ну всё, – тихо сказал какой-то, с виду явный работник одного из цехов. – или продали кому-нибудь, или по двенадцать часов работать заставят.

– Тихо ты! – одёрнули его рядом стоящие. – А то накаркаешь.

– Предвосхищая, так сказать, упаднические мыли по поводу собрания, – продолжал директор, – сразу скажу: никто никому завод не продавал, и не собирается продавать!

Народ одобрительно загудел, слава богу, хоть один камень свалился с души, а сколько их ещё осталось? В том-то и дело, что неизвестно.

– Более того, никаких кардинальных изменений в графике работы и в зарплатах не намечается! – народ облегчённо вздохнул.

Вот теперь можно и послушать, чего такого они там придумали? Неужели что-то для работяг хорошее? А может с самого верха приказ какой спустили, вот теперь и «отплясывают», сами-то вовек не додумаются.

– Слово предоставляется нашему новому заместителю директора по работе с персоналом, господину Аризевичу! Приветствуем, господа, приветствуем!

– Прямо как в театре, приветствуем. – пробурчал тот же мужик, но пару раз всё-таки в ладоши хлопнул.

– Ты глянь, Михалыч, – толкнул Сергея Михайловича, того самого, «щегол» Саня. – прямо как в армии. Там тоже есть заместитель командира по работе с личным составом.

– Поп что-ли? – переспросил Михалыч.

– Не, тот отдельно.

– Позвольте представиться, – начал совсем молодой мужчина, сорока ещё нет, – Евгений Казимирович Аризевич, ваш новый заместитель директора по работе с персоналом.

Кто-то из собравшихся попытался аплодировать, но быстро опомнился. Теперь, когда директором было заявлено, что завод не продают неизвестно кому, ликвидировать не собираются и зарплату урезать не собираются можно послушать этого, как его, ну и фамилия, может что умное скажет.

– А у нас старого зама по работягам вовсе не было! – выкрикнул кто-то, не иначе, не в меру обрадованный тем, что зарплату оставят в покое.

Кто-то из собравшихся засмеялся, правда негромко, но быстро замолк, не иначе в бочину получил о рядом стоящих. В основном народ загудел, забормотал, правда неизвестно, одобрительно или так, на всяких случай – непонятно было.

Сам же господин Аризевич, Евгений Казимирович, лучезарно улыбаясь, как-будто в любви признавался, причём всем и сразу, подождал пока народ успокоится и начал говорить, что удивительно, говорил он не по бумажке:

«Прямо павлин какой-то. – глядя на выступавшего подумал Фёдор. – Блин! – более-менее рассмотрев «павлина» мысленно воскликнул Фёдор. – Да он почитай мой ровестник, ну может на пару годов постарше, хотя хрен его знает, вон весь какой блестящий».

Последняя мысль неприятно резанула Фёдора прямо поперёк души, уж очень этот Казимирович своим прямо-таки рекламным блеском был похож на Андрюху, теперешнего Андрюху.

– Алексеич, что же теперь будет? – спросил Фёдора один из рабочих его бригады.

– Хрен его знает, Николаич. – не поворачивая головы в сторону задавшего вопрос Николаича ответил Фёдор. – Но ты не расстраивайся, ничего хорошего не будет, это уж точно. – мрачно пошутил он.

А выступавший и в самом деле был очень похож на «нового» Андриюху. Правда похож он был не телосложением или же физиономией, а именно вот этой рекламной блестящостью и парфюмерным лоском. Сам по себе господин, а как же, Арзиевич был мужчиной и правда на пару лет постарше Фёдора. Среднего роста, телосложение не изуродовано ни физическим трудом, ни спортивными залами или беговыми дорожками. Короче, пупс, прямо с новогодней открытки только в костюме и при галстучке.

Видимо решив, что народ успокоился новый зам по работягам и прочему мелкому начальству продолжил:

– Не мне вам рассказывать о современной жизни, вы сами всё видите. Хорошая жизнь, ничего не скажешь, но не у всех.

– Ага, – пробурчал Николаич. – хорошая жизнь у нас только пидарасам полагается.

* * *

– Много рассказывать о себе не буду. – тем временем продолжал новый зам. – Скажу лишь то, что менее, чем год назад я был таким же как вы, с той лишь разницей, что работал на стройке. – зам неизвестно чему улыбнулся и продолжал. – Впрочем, если кого-то интересует моя биография откройте Википедию и прочитайте. Арзиевич Евгений Казимирович. – раздельно, по буквам, как-будто гвозди в головы собравшихся рабочих забивал, продиговал зам. – Надеюсь Интернет у всех имеется? – вопрос был задан насмешливо и вместе с тем строго, будто учитель спрашивал учеников: все-ли дети принесли по сто рублей на подарок директору школы? – Интернет, сами знаете, не врёт так что...

– Ага, как же, не врёт он. – непонятно на кого, то ли на зама, то ли на Интернет пробурчал Санька. – Я вот недавно познакомился там с одной бабой...

– Не с бабой, а с девушкой! – раздражённо одёрнул Саньку Михалыч. – Цыц!

– Кроме того, время, это не только деньги, это очень почти что самое главное в человеческой жизни. – было видно, заму очень не хотелось стоять на одном месте, хотелось как какому-нибудь артисту или какому-нибудь гуру-профессору вещая в народ ходить по сцене, но микрофон установленный на трибуне напрочь лишал его этой возможности. – Поэтому не буду забирать его ни у вас, ни у себя и сразу же перейду к главному.

Как известно наши далёкие, очень далёкие предки выглядели совсем не так как мы, да и жили, тоже совсем не так как мы. Жили они на деревьях, питались тем что найдут и были беззащитны перед хищниками. Затем, и это весьма показательный факт, они спустились с деревьев, стали прямоходящими, взяли в руки палки – своё первое орудие труда и средство для более комфортной жизни в этом мире. Дальше больше: появилась одежда из звериных шкур, были обжиты пещеры, затем были построены хижины, ну и так далее.

Я всё это так подробно рассказываю не для того, чтобы блеснуть своей эрудицией или просто покрасоваться перед вами. Это я рассказываю для того, чтобы показать вам весь алгоритм развития человека и человечества. Согласитесь, если бы человек не развивался, не стремился жить лучше и лучше, он до сих пор сидел бы на деревьях и дрожал при появлении хищников.

Но далеко не всегда новое быстро завоёвывало сердца человечества, принималось им сразу и без сопротивления. Вспомните хотя бы луддитов!

– Это ещё что за хрень?! – спросил кто-то из собравшихся.

Зам снисходительно усмехнулся правда не явно подчёркивая своё превосходство, а как бы мельком и тоном того самого учителя, которому приходится объяснять детям, для чего нужен этот самый подарок директору школы, объяснил:

– Луддиты, были такие в Англии лет двести тому назад. Известны они лишь тем, что не понимая и не принимая технический прогресс ломали на заводах и фабриках станки, механизмы, говоря по современному, технологическое оборудование. А почему? А потому что не хотели жить по-новому, отрицали эволюционный и технический прогрессы. Ну сами представьте, много ли вы наработали, если бы в цехах вашего завода не было станков и всё приходилось делать вручную?

Народ зашумел, действительно, представить такое было очень трудно, если возможно вообще. Наиболее прогрессивно настроенные работяги выдали несколько, состоявших процентов на девяносто из непечатных слов, едких замечаний в адрес этих самых, доселе почти никому неизвестных луддитов.

– Вот и я о том же! – увидев, что зацепил собравшихся за живое воскликнул зам. – Я уж не говорю о тяжести и неэффективности ручного труда! Вы только представьте, какой тогда была бы у вас зарплата!

Слово «зарплата» произвело на собравшихся ещё большее впечатление. Теперь все собравшиеся вплоть до самых отъявленных пессимистов, а может быть даже тайно сочувствующих тем самым луддитам были на стороне зама.

– Ладно, оставим в покое тёмных и недалёких людей, тем более, что было это давно. Всё равно технический прогресс победил! – зам произнёс это, чуть-ли не прокричал, как: «Революция, о которой, и так далее..., победила!». – А для чего, спрашивается, он победил?! Правильно, для того, чтобы человек стал свободнее, чтобы жил лучше.

– Идём дальше. Нисколько не сомневаюсь, что все здесь собравшиеся умеют читать и писать. – на этот раз пауза была выжидательная, как будто зам был не до конца уверен в поголовной грамотности собравшихся. – Согласитесь, сейчас без этого жить, ну просто невозможно. Почему? Да хотя бы потому, что помимо полной беспомощности в повседневной жизни невозможно овладеть какой-либо более-менее ценной специальностью и приобрести надлежащую квалификацию.

На этот раз народ откровенно смеялся. Некоторым из собравшихся выступающий зам, как его там, стал даже симпатичен. Не дурак мужик, совсем не дурак, такой, можно сказать, простой пример ввернул, и что интересно, в точку попал, в самую точку!

Выступающий дождался, когда утихнут собравшиеся живо принявшиеся комментировать безграмотность в современной жизни, и продолжил:

– А ведь ни для кого не секрет, точно также, как и луддиты некоторые, если не сказать что многие отчаянно сопротивлялись возможности научиться читать и писать не понимая, что тем самым сопротивляются своему будущему, сопротивляются более комфортной и сытной жизни.

Об Интернете рассказывать не буду. Все знают как и в какую сторону он изменил нашу жизнь, причём, в подавляющем большинстве случаев изменил её в лучшую сторону.

Теперь надеюсь понятно, что без чего-либо нового человек жить не может?! Если человечество хотя бы на минуту остановится в своём эволюционном развитии, оно, и глазом моргнуть не успеет, опять окажется на деревьях, и с голой задницей.

– А сейчас о главном. – зам сразу стал серьёзным как-будто статуя какому-нибудь полководцу. – Даже не сомневаюсь, все вы слышали о новолюдях.

– Вот гад куда загнул! – протянул Николаич. – Алексеич, это что же, в пидарасы решили нас записать?

– Хрен его знает. – пробурчал не менее Николаича поражённый услышанным Фёдор, хотя, пусть и смутно, но догадывался о причине собрания. – Поживём, увидим.

– Новолюди, это тоже самое, что и для первобытных людей умение ходить на двух ногах, тоже самое, что и одежда, и орудия труда. Это тоже самое, что и станки, и автомобильный, железнодорожный, и воздушный транспорт, без которых и жизнь не жизнь. Наконец, это тот же самый Интернет. Господа, это наше будущее!

Если на рассказ о луддитах и о борьбе с неграмотностью работяги довольно-таки живо реагировали, то на новолюдей реакции не последовало никакой, вообще никакой! В складском помещении стояла такая тишина, и прислушиваться особо не надо было, чтобы услышать шум проезжающих по улице, за территорией завода, автомобилей, а то и шаги прохожих.

Видимо в ожидании критических замечаний, это по терминологии зама, и каверзных вопросов выступающий поспешил продолжить:

– Разумеется к луддитам это не имеет никакого отношения. Тех казнили, вас же никто казнить не собирается. Понимаю, новость слишком неожиданная и, чего греха таить, не для всех приятная. Согласен, как в обществе, так и с средствах массовой информации, возьмите тот же Интернет, циркулирует масса слухов и сплетен по поводу движения, да, именно движения новолюдей. – зам подчеркнул слово «движения» как бы давая понять, что всё очень и очень серьёзно. – Да, движение новолюдей массовое и организованное, это не какая-нибудь там ватага гопников. Господа, всё очень серьёзно, очень серьёзно и поверьте, надолго. – не давая опомниться зам продолжал. – С завтрашнего дня на заводе открывается отделение движения новолюдей. Администрация, – зам кивнул в сторону директора. – под это несколько помещений в офисе в котором все желающие смогут получить самую полную и самую правдивую информацию о движении новолюдей, поверьте, очень отличающуюся от того, что вы слышите по радио и телевидению, и читаете в газетах, и в том же Интернете. Ну и конечно же все желающие, разумеется максимально ознакомившись с правдивой информацией о движении смогут вступить в его ряды.

Собравшиеся молчали, и молчали так, что если бы даже они все кричали что есть мочи и матом, эффект был бы куда меньшим. Чтобы не допустить перерастания гробового молчания в матерный крик и даже вой, учтиво поблагодарив зама за выступление, слово взял директор:

– Значит так, – на привычном, директорско-командном языке начал директор. – Новолюди, прав господин Арзиевич, это надолго, а на нашем заводе навсегда. Никто вас не торопит и уж тем более никуда за уши не тащит. Но, – словно какой-то мудрец директор поднял указательный палец. – все должны себе представлять, без движения новолюдей будущего у завода нет, а значит и у работников завода его тоже нет.

Прямо ниоткуда, словно по волшебству, за президиумом и трибуной, шелестя своей полиэтиленовой сущностью, опустилось что-то наподобие рекламного баннера, которое в отличии от зама и директора говорило: «Новолюди! Кто не с нами, того нет!».

– Думайте, мужики, крепко думайте. – перешёл на язык работяг директор. – за уши вас никто не тянет, но не забывайте: за проходной завода желающих и согласных, сами знаете сколько.

С этим, как бы давай возможность сразу же начать думать и оставить один на один со своими думками по поводу своего же светлого будущего руководство завода покинуло президиум.

Глава III

– Погода. – вещал из автомобильного радиоприёмника слащаво-томный мужской голос. – Сегодня в столице давление ниже нормы – семьсот сорок два миллиметра ртутного столба. Облачно. Температура минус один, минус три градуса. На дорогах гололедица, местами небольшой снег... Будьте внимательные на дорогах и не только на дорогах, дорогие мои, прагмативные! – последнему слову диктор придавал максимальную, видимо на какую был способен, томность.

Блямкнула музыкальная заставка и уже другой голос, явно записанный заранее, но такой же томный произнёс:

– Радио-Семицветик! С вами всегда! – и несмотря на всю слащавость с максимальной мужественностью в голосе добавил. – Новолюди! Кто не с нами, того нет!

Сразу же без какой-либо паузы в радиоприёмнике заиграла музыка и Бой Джордж принялся рассказывать песенную историю о нелёгкой судьбе хамелеона, а по правде говоря, самого обыкновенного жулика. Андрюха сплюнул и выключил радиоприёмник:

– Пехота!

* * *

Андрюха, он же Андрей Николаевич – тот самый однокурсник Фёдора тоже ехал на работу. Но в отличии от автомобиля Фёдора в салоне которого Князь и Горшок занимались чуть-ли не экзорцизмом в салоне автомобиля Андрея происходило приблизительно тоже самое с той лишь разницей, что музыка была совсем другая, радостная, и разгоняла она скорее остатки сна, чем грустные и даже злые мысли насчёт происходящего как в жизни владельца авто, так и вокруг него. Да и автомобили Фёдора и Андрея довольно-таки сильно отличались один от другого. Если Фёдор ездил на «рабоче-крестьянской» «Короллке» и то не первой свежести, то Андрей не уставал наслаждаться комфортом салона и ходовыми качествами новенькой «Камри», «Камрюхи». Хоть и была машина по статусу «мелкопоместно-дворянской» Андрея это не расстраивало:

«Ничего страшного, это только начало. – приблизительно так по поводу автомобиля размышлял Андрей. – Будет у меня и «Гелентваген», и даже «Бентли» с личным водителем».

* * *

Привычный ещё со студенческой скамьи «держать нос по ветру», а в работе посвящённой обществу – в общественной работе по-другому никак, Андрей особо не терзался сомнениями по поводу возможного вступления в ряды новолюдей. Разумеется смущало то, чем ему неизбежно придётся заниматься, но подумав как следует и взвесив все плюсы и минусы предстоящего Андрей решил: оно того стоит. Иначе, а иначе, вон, Фёдор – наглядный пример того, что будет происходить с ним, если иначе. Фёдору, тому даже проще, он почитай сразу окунулся в заводские кошмары, сразу после окончания института. Андрюха же руководимый «носом, улавливающим ветер» устроился в контору, в офис если по-современному, на должность мелкой офисной сволочи.

На них, как только начал работать на новом месте, Андрей сразу обратил внимание. Но привлечено оно было не тем, что с накрашенными ногтями и губами мальчишки уж очень напоминали девочек, а девочки, во дела, гораздо меньше накрашенные напоминали мальчишек. Внимание Андрея привлекла их безнаказанность. Почему оно так? Ведь по работе они

не только «звёзд с неба не хватало», зачастую даже самы-пресамый необходимый минимум выполняли из рук вон плохо, но тем не менее оставались неприкосновенными для начальства. Андрей стал наблюдать за столь странной как по внешнему виду, так и по поведению молодежью. Скоро выяснилось, что у всех у них нет никаких влиятельных ни мам с папами, ни дедушек с бабушками, однако ведут они себя так, как-будто вся их родня, поголовно, в правительстве заседает. Вот тут-то, как потом и выяснилось, Андрей напрямую и познакомился с новолюдьюми.

Если раньше он и слышал о них, и даже видел на улицах, в кафешках, в ночных клубах, то особого внимания не обращал: они сами по себе, а он и такие как он сами по себе. Разумеется Андрей не бросился ни к одному из них с расспросами, но не по поводу как лучше ноги раскрасить, а как самому стать таким вольным офисным работником, почти в открытую плюющим на все писанные и неписанные правила и законы?

Андрей решил понаблюдать, а сам тем временем обрядившись в одеяния в меру глупого, но очень исполнительного работника приступил к работе. Работал старательно, но из кожи вон не лез, аккуратно исполнял порученное, а если что сверху, то исключительно по приказу. Начальство всегда поддерживал, но не горлопанством, а по большей степени молча, делами. Постепенно приказы о какой-либо дополнительной работе или же сверхурочных сменились просьбами, что Андрей для себя не без удовольствия отметил. Он не спешил, потому что его расчудесный нос уже поймал сильный и устойчивый ветер, ветер успеха и богатства.

* * *

Если «размулёванных», как Андрей их назвал про себя, сначала было совсем немного, то и года не прошло, их стало наверное раза в два больше. Кто-то из работников становился «размулёванным», а кто-то появлялся новенький. Но прежде чем появиться без какой-либо причины увольняли кого-нибудь из стареньких, «не размулёванного».

Предложения о присоединении к новолюдьюм посыпались сразу, почитай на следующий день, но Андрей, в меру прикидываясь дурачком, где шутками, где молчанием, отказывался. Да и предложения эти выглядели до того нелепыми и даже смешными, что просто не заслуживали внимания. Постепенно «размулёванные» со своими предложениями со всеми вытекающими из него благами отстали, и хорошо что отстали. К тому времени Андрей, а парень он был наблюдательный, довольно-таки отчётливо представлял себе всю картину с новолюдьюми в офисе. Нос Андрея, весьма чувствительный к светлому будущему прямо-таки задыхался от дующего в него ветра головокружительных перспектив: надо вступать в новолюдью! Но Андрей не спешил, ждал. Не, он не набивал себе цену просто-напросто он не хотел связываться со всей этой разукрашенной шушерой, потому что ждал от жизни многого, очень много.

Так прошло десять с небольшим лет. Андрей превратил себя в исполнительного и во многих случаях незаменимого для начальства работника. Он не лез вперёд, но и не плёлся в хвосте, и золотой серединкой Андрей тоже не был. Он определил себе роль одновременно стороннего наблюдателя и активного участника деловой жизни офиса, умудрился, сделал.

И вот, когда разговор, причём разговор якобы отвлечённый и ни к чему не обязывающий с ним завёл коммерческий директор, Андрей сразу понял о чему это всё. На этот раз сомнений не было: надо присоединиться к новолюдьюм иначе фортуна даже на прощанье ручкой не помашет, а сплюнет, выругается и пойдёт себе дальше, дел-то хватает.

Приблизительно с полгода назад Андрей стал одним из новолюдью и несмотря на всё, к чему относился даже с брезгливостью, ни разу не пожалел о своём выборе. Вместо старенькой «Короллы» – новенькая «Камри», пожалуйста любоваться. Вместо однокомнатной хрущёвки спривленной ему родителями при помощи всей родни – можно сказать шикарная двухкомнатная квартира в новостройке, во всяком случае не чета хрущёвке. Ну и, и это почитай самое

главное, Андрей забыл что такое нет или не хватает денег? А нехватка денег, сами знаете, она похуже самого хронического заболевания будет, потому что проникает в самую душу и корёжит её до неузнаваемости.

* * *

Разумеется Андрей знал, что трудовая деятельность как его офиса, так и страны в целом, как бы сказать, двухэтажная. Один её этаж предназначен для государства и реалии участия в деятельности на этом этаже весьма и весьма скромные, даже нищенские. Но есть и второй этаж вход на который для большинства, той же мелкой офисной сволочи, закрыт на тысячу замков и попасть туда ну просто невозможно, почти невозможно. Для этого надо или родиться там, ну понятно где, или же стать новочеловеком, других способов для прохода на «второй этаж» по мнению Андрея не существовало.

Да и как оказалось, не каждому из новолюдей был открыт вход на тот самый «второй этаж». К примеру для «размулёванных», новолюди, те что рангом повыше называли их «пехотой», вход на «второй этаж» как раз был закрыт. Им предлагалось и подавляющее большинство из них это с удовольствием принимало: радоваться жизни посредством внешней атрибутики в виде тех же накрашенный губ и ногтей. Кроме того безнаказанность на работе их даже не то что устраивала, а служила чуть-ли не главным стимулом пребывания в рядах новолюдей. Самой собой среди «пехоты» личностей хоть сколько-то отягощённых умственными способностями почти не было, вот они и радовались жизни посредством предоставленной им безнаказанности и вседозволенности. Ну и конечно же деньжат в виде премий им регулярно подбрасывали. В основном это делалось для того, чтобы «пехота» вела ярко вызывающий образ жизни и за пределами своей работы, в тех же ночных клубах к примеру. Расчёт был тонким и точным: новолюдям необходима была массовость, чем их будет больше, тем лучше, это, во-первых. А во-вторых, весь этот маскарад был рассчитан на тех, кто умственными способностями отягощён с тем, чтобы они посмотрев на резвящуюся пехоту проанализировали происходящее и сделали для себя единственно правильный выбор. Как раз для тех, кто поумнее впоследствии и открывался вход на тот самый волшебный «второй этаж», и Андрей стал одним из них. Но был ещё и «третий этаж» о существовании которого хоть никто и не говорил, но во всяком случае Андрей и наверняка не только он, догадывались.

* * *

– Это что же? – прямо-таки прорычал Николаич присаживаясь на скамейку. – Это мало того, что всякая сволочь издевается как ей вздумается, так ещё и в пидарасы записывают! Это что же творится, мужики?!

Дело происходило в раздевалке бригады, куда они все, не сговариваясь, пришли после собрания. Да уж, серьёзные мужики: профессионалы в своём деле каких поискать, не пьянь, если и выпивают то в меру, не подонки, цельные, настоящие, да на таких почитай страна держится и в пидарасы?!

– Успокойся. – одёрнул его всегда спокойный и рассудительный Михалыч. – С чего ты взял, что тебя силком в эти, тьфу ты, тащат?

– Так увольнением пригрозили! – уже чуть спокойнее ответил Николаич. – Директор, вон, прямо так и сказал: за проходной желающих полным-полно!

– Ну и что? – как ни в чём ни бывало спросил Михалыч. – Николаич, вот тебя кроме как увольнением ещё чем-нибудь пугают?

– Вроде бы нет. – ответил озадаченный Николаич.

– Уволили?

– Как видишь, пока не уволили.

– Вот и сиди, не паникуй. Сказать и сделать, это две очень большие разницы. – Михалыч, как неформальный бригадир, принялся объяснять мужикам, и Фёдору тоже, случившееся. – Если они уволят всех несогласных, завод придётся закрывать! А если наберут с улицы, то сами знаете кого они наберут. В этом случае уж лучше завод закрыть, убытков будет меньше.

После слов Михалыча народ стал как бы оттаивать от услышанного и более-менее трезво соображать. Михалыч быстро, любой психолог позавидует, погасил бушующие в душах мужиков страсти, а если страсти улеглись, то самое время подумать о случившемся. А ведь правда, оно так и получается: если уволят всех несогласных в ступить в эти самые новолюди, то, к бабке не ходи, без работяг завод останется, как пить дать. Неужели не всё так плохо? Эх, хорошо бы.

– Делаем так, – Михалыч как всегда говорил хоть и спокойно, даже тихо, зато значимо. – как работали так и продолжаем работать, как-будто этих самых новолюдей и в помине нет. Начнут прижимать, будем думать, а пока нечего паниковать раньше времени. – И ещё. – Михалыч на несколько секунд замолчал. – Если кто из бригады, в жизни оно всяко бывает, и вступит в эти новолюди, пусть сразу увольняется. Калечить не будем, но жизни не дадим. Всем понятно?!

Мужики довольно, и даже могло показаться, радостно, загудели. Ведь если подумать как следует, а Михалыч подумал – голова, ничего страшного не произошло. Ну а если произойдёт, то ещё неизвестно кто выбитыми зубами подавится.

– Раз такое дело, мужики, пошли-ка ударим по пивку. А в честь такого случая можно не только по пивку. – не иначе, чтобы окончательно успокоить бригаду предложил Михалыч.

Предложение было принято если и не с восторгом, то с всеобщим одобрением. Мужики быстро переоделись, чего резину тянуть, и в полном составе направились в пивной бар находившийся в метрах ста от проходной завода. Вечер обещал томным, но не для бригады Фёдора, с ними как раз всё нормально. Он, впрочем как и любой другой вечер, обещал быть томным для тех, кто красовался накрашенными ногтями и какой-то хернёй в ушах.

Глава IV

«Чёрт», которого нарисовали, на самом деле оказался не таким уж страшным. На деле оно всё оказалось скорее непривычным, чем противным. Непривычным же оно было потому, что Природой тебе предопределено, да и привык уже: ты, а не тебя. Но как оказалось страшного ничего не произошло, потерял, если потерял, малость, зато сколько приобрёл!

Константин Александрович, тот самый коммерческий директор, он и посвящал Андрея в новолюди, после того как, разъяснил Андрею, что к чему:

– Ничего, Андрей, не поделаешь так надо.

Никаких томных сцен послелюбви и в помине не было. Сделав необходимое они оделись и как вполне нормальные люди сидели и попивали кофе с коньячком. Никаких таинственных ритуалов в виде толпы посвящённых с капюшонами на головах, и умерщвления ни в чём неповинных кошек и в помине не было, всё произошло, можно сказать, буднично. Разумеется Андрей про себя это отметил, как на будущее, так и как одну из положительных сторон пребывания в рядах новолюдей.

– Так надо, Андрей. – повторил Константин Александрович. – Это своего рода, мда, пример хоть и неудачный, ну да ладно. Это как какие-нибудь бандиты новичка кровью повязывают, заставляют кого-то убить. Мы никого убивать разумеется не призываем и вообще против этого. В первую очередь всё это необходимо для того, чтобы ты сам ощутил себя не таким как подавляющее большинство народонаселения страны, ощутил свою принадлежность к элите. Да, да, к элите.

Константин Александрович плеснул в пузатые бокалы коньяка и они не чокаясь выпили. Всё происходило в квартире Константина Александровича, такой же роскошной каким выглядел её хозяин: приблизительно ровесник Андрей, ну может года на два постарше, высокий, скорее плотный, чем полный Андрей Константинович прямо-таки воплощал собой все те успехи и достижения, которые можно достичь ещё до сорокалетнего рубежа, если смотреть на жизнь и пользоваться ей с умом. Да и квартира была такой, такие квартиры Андрей видел только в рекламных роликах и в сериалах о жизни крутых бизнесменов, которые иногда мельком смотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.